

Фу Вэй был моим лучшим другом в школе — во всяком случае, первые два года. Он был общительным, умным и популярным среди учителей и учащихся. Он был первым, кто заговорил со мной на церемонии открытия школы, и первым, кто спросил меня, не хочу ли я пойти домой вместе после школы.

Из-за моей синестезии я не был большим поклонником общения, но всякий раз, когда Фу Вэй приглашал меня на что-то, я не отказывался и был всегда рад пойти с ним. Он был одним из немногих людей, которые были одинаковым и снаружи, и внутри; я никогда не чувствовал, что он всего лишь притворяется.

Наша дружба быстро расцвела из-за его непостоянства. Когда я учился на втором курсе средней школы, я рассказал ему о своей синестезии и даже о проблемах моих родителей и их последующем разводе. Мы с ним сблизились настолько, что несколько раз я даже подумывал о том, чтобы называть его своим братом.

... Но потом все пошло по спирали вниз.

Однажды утром я вошел в наш класс, как и в любой другой день, но, когда Фу Вэй поднял голову и увидел меня, индекс его настроения изменился — он стал розовым. Перемена произошла беззвучно и неожиданно, застав меня врасплох; шокирующее и неловкое развитие событий.

Я впервые столкнулся с подобной ситуацией, и эта информация заставила меня повозиться несколько дней, в течение которых я холодно относился к Фу Вэю.

Мой друг не был глуп. Он быстро понял, что что-то случилось, и однажды после школы подошел ко мне, чтобы спросить, почему я избегаю его.

Разве ты не знаешь почему?

— Ты завел себе подружку? — спросил он меня.

Над его головой значение настроения было сплошным розовым, смешанным с начальными оттенками сердитого красного. Похоже, я ему действительно нравился. После минутного колебания я все же решил откровенно поговорить с ним.

— Фу Вэй, я тебе нравлюсь? — не давая ему времени ответить, я продолжил, — Если это так, то... мы можем попробовать.

В то время я уже чувствовал, что в любом случае буду встречаться с парнем. Не так уж плохо, если это будет Фу Вэй. Ведь мы уже были знакомы друг с другом и хорошими друзьями. Переход от друзей к любовникам был бы естественным развитием.

Но в ту же секунду, как эти слова слетели с моих губ, лицо Фу Вэя помрачнело, и его настроение резко упало, красное смешалось с черным.

— О чем ты говоришь? Да как я могу увлекаться мужчинами? — его лицо покраснело от гнева, когда он яростно опроверг мое предположение.

А я не ожидал, что самой большой проблемой здесь будет тот факт, что он не испытывал сексуального влечения к мужчинам.

— Ты... Я тебе действительно не нравлюсь? — я был немного озадачен и ненадолго погрузился в раздумья. Если не сверхъестественные силы здесь замешаны, то явные проблемы с головой. Я поспешно объяснил: — Но твой цвет явно изменился...

— Юй Мян, какой же ты урод, — Фу Вэй пристально посмотрел на меня, как на диковинку, и с этими словами, которые пронзили меня, как ножи, он ушел.

С тех пор он начал избегать меня и вообще перестал со мной общаться. В классе ходили слухи, что я влюбился в Фу Вэя, признался, получил отказ, и поэтому мы больше не были друзьями.

Что ж, они сделали правильный вывод, но события, приведшие к этому исходу, были ошибочными.

С самого начала я не был склонен к общению, поэтому после того, как я потерял Фу Вэя, который был моим единственным другом, я стал невидимым в классе, и люди либо избегали меня, либо смотрели на меня свысока.

Если бы это были только разговоры за моей спиной, или презрительные взгляды, бросаемые на меня издали, или осуждение, которое происходило, когда я не смотрел, это было бы прекрасно, потому что эти вещи не влияли на мою жизнь. Но моя синестезия сделала так, что в ту секунду, когда я каждый день проходил через школьные ворота, меня постоянно бомбардировали всевозможными формами злобы со всех сторон, и это раздражало.

Последние два года в средней школе должны были быть приятными, но они превратились в неприятные воспоминания. Несмотря на то, что я никогда не испытывал желания быть любимым и популярным, и никогда не заботился о том, что другие думают обо мне, я также ненавидел быть постоянным объектом обвинений или конфронтации.

Потребовалось покинуть город после окончания школы и переехать на остров Цинмэй, чтобы удушье, накапливаемое годами, начало рассеиваться.

Когда появились результаты вступительных экзаменов в колледж, классный групповой чат начал активно общаться, мои одноклассники спрашивали друг друга, какие у них оценки, строили планы на каникулы... Но я просто вышел из группы одним щелчком мыши, и в

процессе занес всех в черный список.

— Значит, они возненавидели тебя из-за твоей сексуальной ориентации?

В сумрачной атмосфере склада запах пыли проникал в мои ноздри, и медленный, неторопливый голос Янь Куншаня доносился до моих ушей.

— Ага, — я медленно кивнул.

— Это хорошо.

Что? Я поднял глаза, ничего не понимая.

Янь Куншань прислонился спиной к полке, скрестив руки на груди.

— Быть любимым такими людьми — это не то, чему стоит радоваться. Пресечь все в зародыше с самого начала — неплохая идея.

— Ты не находишь меня отвратительным? — страх и трепет одолели мои чувства, когда я выпалил этот вопрос. Я боялся, что он будет таким же, как мои одноклассники, казалось бы, принимая на поверхности, в то же время рассматривая меня как уроды внутри. Предвкушение переполнило мои чувства; я хотел, чтобы он думал, что я нормальный от всего сердца, искренне и без фальшивых банальностей.

— Нет, — он ответил мне без колебаний, его глаза были спокойны и лишены предубеждения.

Самое главное, что он действительно говорил правду.

До этого момента я был просто одержим его красотой и телом — можно сказать, моя влюбленность в него проистекала из всего, чем он обладал внешне. Но в этот момент я подчинился его гипнотическому внутреннему «я», влюбляясь в качество его характера.

Сунь Жуй оказалась права. Янь Куншань — это человек, который принадлежит к своему собственному классу, человек, который всегда кажется недостижимым. Но, несмотря на это, а может быть, и благодаря этому, он соблазняет силой, перед которой невозможно устоять. Чем более недостижимым он казался, тем больше я хотел его. Даже если океан заполнит расстояние между нами, я не сдамся.

Он мне нравился, но я также знал, что он может не влюбиться в меня. Но все в порядке,

потому что, хотя свидание, вероятно, еще не записано в книгах, поцеловать его вполне возможно.

Губы Янь Куншаня тонкие сверху и более пухлые снизу, они практически созданы для поцелуев...

Мой взгляд останавливается на его губах, и я бессознательно начинаю фантазировать о поцелуе. Как раз в тот момент, когда наши губы вот-вот встретятся, я резко возвращаюсь в настоящее. Мое лицо горит.

— ... Спасибо, — от смущения мой голос звучал так тихо, сто казалось, будто рядом жужжит комар.

Он подошел ко мне и положил руку мне на голову.

— Когда ты доживешь до моего возраста, ты поймешь, что все это не имеет значения, — произнес он, наклоняясь, чтобы заглянуть мне в глаза, словно проверяя, все ли со мной в порядке.

Он стоял ко мне слишком близко, так близко, что запах сигарет, исходящий от него, проник мне в нос, вызывая желание чихнуть.... что полностью испортило бы момент, поэтому я отчаянно сдерживал чихание, пока слезы не начали собираться в моих глазах.

Вот только Янь Куншань увидел мои слезы и, кажется, неправильно понял ситуацию, потому что он протянул руку и вытер слезу, которая образовалась в уголке одного из моих глаз, начиная говорить так, словно с ним было что-то схожее. С пониманием...

— Зачем плакать? Они не стоят того, чтобы из-за них расстраиваться.

Думаю, они не стоят того, чтобы я расстраивался из-за них, но ты определенно стоишь того, чтобы поддаться искушению.

Грубый, мозолистый палец коснулся нежной кожи под моими глазами, оставляя ощущение безболезненного покалывания. Я контролировал себя, удерживаясь от желания броситься вперед, и вместо этого закрыл глаза. Жидкость, скопившаяся в моих глазах, никуда не делась и стекла вниз.

— Я... Нет, я не расстроен. Я просто был поражен их внезапным появлением, — ответил я слегка гнусавым голосом.

Янь Куншань отстранился и ответил:

— Оставайся пока здесь. Я выйду и посмотрю, там ли они еще.

Я кивнул и отодвинулся в сторону, чтобы он мог выйти из склада.

В ту же секунду, как открылась дверь, я услышал громкий юношеский смех. Фу Вэй и его друзья все еще не ушли; на самом деле группа стала вести себя еще громче.

— Клиенты, вы не могли бы общаться потише? — Янь Куншань не слишком повысил голос, но его тон был неумолим. Громкие разговоры немедленно смолкли.

Я медленно закрыл дверь склада так, чтобы оставалась небольшая щель, через которую можно было наблюдать за происходящим.

— А? Какого черта? Вы пытаетесь вести бизнес, но не позволяете своим клиентам даже поговорить?

— Да, мы же не кричим.

— Это книжный магазин, — вмешался Янь Куншань. — Если хотите поговорить, можете пойти на рынок и уже там поговорить по душам. Если вы не собираетесь покупать книги, то, пожалуйста, уходите.

В его словах не было и намека на какой-либо диалект, а голос — приятен на слух, но почему-то он говорил нарочито и почти лениво... так сексуально.

— Что ты за владелец магазина, который гоняет собственных покупателей?

— Ты думаешь, мы хотим покупать эти старые, поношенные вещи, которые ты продаешь?

Очевидно, выговоры Янь Куншаня разозлили группу. И вдруг среди громких жалоб раздался голос Фу Вэя. Удивительно, но он извинялся.

— Нам очень жаль, — затем он пробормотал своим друзьям: — Пошли. И хватит кричать.

Вот таким человеком был Фу Вэй. Вы думаете, что он извиняется, потому что ему жаль, но на самом деле ему не нравится быть в центре обвинения. Для него нет ничего важнее его гордости.

Публичная лекция в окружении спорящих друзей была, должно быть, унижительна для него.

Двери магазина открылись, и мои старые знакомые вышли, оставив после себя два едких

замечания:

— Я никогда сюда не вернусь!

— Дрянной книжный магазин!

Когда в магазине снова воцарились тишина и покой, я открыл дверь склада и с тревогой душе вышел. Снаружи Фу Вэй и его группа уже давно ушли.

Слава богу.

Не то чтобы встреча с ними убила бы меня, но иногда ты просто предпочитаешь не подвергать себя ненужному отвращению.

Когда пришло время обеда, я ждал, пока вокруг никого не окажется, чтобы схватить яблоко для Янь Куншаня, и, кажется, в миллионный раз сказать ему «спасибо». Снова.

Он медленно пережевывал пищу и, проглотив кусок, засунул палочки в рис и протянул руку, чтобы принять мое «подношение».

— Ты, кажется, всегда меня благодаришь, — заметил он, откусывая яблоко.

Его жемчужно-белые зубы впивались в мякоть плода. Ясно, насколько он был восхитителен, судя по хрустящему звуку, который он издавал.

— Потому что ты всегда мне помогаешь, — мой рот буквально истекал слюной; я торопливо схватил яблоко для себя и начал тихонько тереть его.

Губы Янь Куншаня слегка искривились — я почти не заметил, но его настроение внезапно поднялось. Можно было с уверенностью предположить, что он улыбался.

Дядя Чжан и его семья из соседнего дома возвращались домой, и после ужина дедушка поспешил к ним выпить и поболтать.

Я лежал на плетеной циновке на полу, ворочаясь и считая часы. Когда пробило восемь, я поднялся и выскочил за дверь. Я добрался до ворот Янь Куншаня, совершенно запыхавшись, и заставил себя остановиться и вдохнуть немного кислорода, прежде чем продолжить.

Когда я заходил за ворота, окно, выходящее на передний двор, светило изнутри. Сквозь

белые кружевные занавески двигался силуэт человека, туманный и красивый.

В летние вечера на острове темнота наступала довольно поздно. Хотя уже восемь, в небе все еще был намек на свет.

Часто мне казалось, что днем остров похож на трудоголика. Когда наступает время ночи, он медлит и тянет время, отказываясь уходить до последней минуты. Каждая секунда дня наполнена жарой и оживленным шумом. Напротив, вечера на острове были тихими и безмятежными. Ночь спускалась беззвучно и уходила тихонько, не амбициозно и лениво.

Я позвонил в дверь и терпеливо принялся ждать, лениво сцепив руки за спиной. Мгновение спустя замок щелкнул, и теплый желтый свет залил крыльцо.

Я поднял глаза и улыбнулся мужчине в дверях.

— Извини, что снова беспокою тебя сегодня.

<http://bllate.org/book/12676/1122951>